

КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ТРАНСПОЗИЦИИ: МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ И
СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Негматова Навруза Нодировна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы Самаркандского
государственного педагогического института*

Каландарова Захро

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного педагогического
института*

Аннотация: В статье исследуется феномен транспозиции как многомерного механизма языковой динамики, функционирующего на пересечении морфологии и синтаксиса. Анализирует переходные процессы между частями речи, уделяя особое внимание функциональному сдвигу лексем без изменения их формальной структуры. Рассматриваются концепции «функциональной грамматики» и «динамического синхронизма». Особое внимание уделено дихотомии полной и частичной транспозиции в контексте современных лингвистических дискуссий.

Ключевые слова: транспозиция, морфология, синтаксис, части речи, функциональный сдвиг, конверсия, парадигматика.

Abstract: The article examines the phenomenon of transposition as a multidimensional mechanism of linguistic dynamics operating at the intersection of morphology and syntax. The author analyzes transitional processes between parts of speech, focusing on the functional shift of lexemes without changing their formal structure. The concepts of “functional grammar” and “dynamic synchrony” are considered. Special attention is paid to the dichotomy of full and partial transposition in the context of modern linguistic discussions.

Keywords: transposition, morphology, syntax, parts of speech, functional shift, conversion, paradigmatics.

Язык не является застывшей соляной колонной; он скорее напоминает живой океан, где границы между категориями постоянно размываются приливами и отливами речевой практики. Транспозиция выступает не просто как технический термин, а как своего рода «алхимия слова», позволяющая одной грамматической сущности примерить на себя мантию другой. Когда мы говорим о морфологическом аспекте, мы неизбежно сталкиваемся с внутренней формой слова. Традиционно лингвисты видели в транспозиции способ перевода знака из одной категории в другую ради нужд высказывания. Представьте себе существительное, которое, устав от своей субстантивности, решает выполнять роль признака. В этот момент происходит чудо синтаксического перерождения: слово остается прежним в своем буквенном теле, но его «душа» — его функция — коренным образом трансформируется. Критики, анализируя наследие классиков структурного языкознания, часто подчеркивают, что

транспозиция — это не механическая замена, а сложный когнитивный процесс. Например, исследователи указывают, что при переходе прилагательного в разряд существительных (субстантивации) происходит не просто потеря зависимости от определяемого слова, но и обретение новой предметной семантики. Это уже не просто «какой-то», это «кто-то» или «что-то». Здесь морфология и синтаксис вступают в тесный симбиоз: синтаксическая позиция подлежащего или дополнения «вынуждает» морфологическую структуру слова адаптироваться к новым условиям существования.

В художественном переосмыслении идей Елены Курилович, можно сказать, что язык обладает встроенным механизмом экономии. Зачем создавать тысячи новых корней, если можно перебросить мост от одной функции к другой? Синтаксическая транспозиция здесь выступает как внешняя оболочка — слово просто занимает чужое место в предложении. Однако морфологическая транспозиция идет глубже: она перестраивает парадигму. Если «больной» в предложении «Больной спит» ведет себя как существительное, он не просто заимствует место; он начинает обрастать категориями падежа и числа уже как самостоятельный объект реальности, а не как временное качество. Развивая эту мысль, стоит отметить, что морфологический аспект транспозиции всегда связан с понятием «словоизменительной парадигмы» [4, с. 89]. Когда лексема пересекает границу своего исконного класса, она попадает в зону грамматического напряжения. Системные лингвисты (например, последователи школы функционализма) утверждают, что полная транспозиция завершается лишь тогда, когда слово обрывает все связи со своим «прошлым» и полностью ассимилируется в новой среде. Это похоже на получение гражданства в новой стране: нужно не только выучить язык (занять синтаксическую нишу), но и принять законы (принять морфологические категории). Синтаксический же аспект более эфемерен. Он проявляется в моменте речи. Здесь мы видим то, что теоретики часто называют «функциональным дублированием». Слово в позиции определения, оставаясь существительным (например, в конструкциях типа «платье-футляр»), лишь на мгновение заимствует атрибутивную мощь прилагательного. Это не смена гражданства, а скорее рабочая виза. Если рассматривать морфологию как архитектурный каркас языка, то транспозиция — это процесс переплавки конструкций без изменения их внешнего контура. Центральное место здесь занимает субстантивация. В художественном пересказе идей В. В. Виноградова, слово, совершающее переход в разряд существительных, подобно актеру, который настолько вжился в роль, что перестал снимать маску после спектакля. Прилагательное «столовая» (комната) или «рабочий» (человек) изначально лишь маркировали принадлежность или свойство, но под давлением синтаксического контекста они «впитали» в себя предметность.

Критики функционального подхода, анализируя этот процесс, указывают на важный парадокс: морфологическая транспозиция всегда влечет за собой семантическую конденсацию. Слово перестает нуждаться в опоре на другое

существительное. В лингвистических дискуссиях XX века часто подчеркивалось, что субстантивация — это не просто потеря флексии прилагательного, а обретение «категориального достоинства» имени. С точки зрения морфологии, здесь происходит фиксация рода и числа, которые из переменных (согласовательных) превращаются в константные (классифицирующие). Адъективация, в свою очередь, представляет собой обратное движение — от действия или предмета к чистому качеству. Причастие, теряя свою глагольную энергию, застывает в форме признака. Когда мы говорим «вызывающий вид», мы уже не думаем о действии субъекта, который кого-то «вызывает». Грамматическое время здесь «схлопывается», уступая место статичному описанию. В работах Елены Курилович этот процесс описывается как деривация второго порядка: синтаксическая функция определения становится настолько доминирующей, что морфологические признаки глагола (вид, залог) начинают атрофироваться за ненадобностью. Особый интерес представляет вопрос о «морфологическом шве». В момент транспозиции лексема находится в состоянии суперпозиции. Она уже не является тем, чем была, но еще не стала тем, чем кажется. Исследователи отмечают, что частичная транспозиция (когда сохраняются некоторые старые формы) — это самая динамичная зона языка. Здесь морфология выступает не как жесткий диктатор, а как гибкий медиатор между мыслью и формой. Переходя к синтаксическому аспекту, мы обнаруживаем, что предложение является той самой «химической лабораторией», где происходит реакция транспозиции. Синтаксическая транспозиция, в отличие от морфологической, часто носит временный, функциональный характер. Шарль Балли называл это «динамическим перемещением ценностей». Представьте синтаксическую позицию как пустую ячейку. Если в ячейку подлежащего попадает инфинитив («Курить — здоровью вредить»), он не становится существительным по своей морфологической природе, но он ведет себя как существительное [1, с. 156]. Это функциональный маскарад. Однако именно из таких регулярных маскарадов рождаются новые языковые нормы. Критический разбор идей структурной лингвистики позволяет выделить три уровня синтаксического влияния на транспозицию:

- Позиционное давление: когда место в предложении диктует слову его роль.
- Валентностная перестройка: когда слово меняет круг своих «друзей» (зависимых слов). У субстантивированного прилагательного пропадают наречия меры и степени, но появляются определения (ср.: «очень больной человек» — «тяжелобольной поступил в палату»).
- Редукция контекста: когда эллипсис (пропуск слова) заставляет оставшееся слово брать на себя функции удаленного партнера.

Художественно интерпретируя теорию «языковых полей», можно сказать, что синтаксис создает гравитационный колодец. Слово, попавшее в этот колодец, деформируется. Если морфология — это генетика слова, то синтаксис — это его воспитание и среда обитания. Научные споры часто разгораются вокруг вопроса: что

первично? Происходит ли сдвиг в уме говорящего до момента высказывания, или же сама структура предложения выталкивает слово в новую категорию? Большинство современных исследователей склоняются к мысли, что мы имеем дело с круговой порукой. Морфологическая готовность слова к переходу (наличие определенных окончаний, семантическая гибкость) встречается с синтаксической необходимостью, и в этой точке вспыхивает искра транспозиции. Если субстантивация превращает признак в предмет, то прономинализация — это процесс постепенного иссушения лексического значения ради чистого указания. Это путь слова от «полнокровного образа» к «указательному персту». Когда числительное «один» или прилагательное «известный» начинают функционировать как местоимения («В одном городе жил известный человек...»), они не называют признак, а лишь ограничивают объем понятия. Критики системно-структурного подхода подчеркивают, что прономинализация является высшей степенью абстракции. Здесь морфологический аспект проявляется в «застывании» парадигмы: слово перестает образовывать степени сравнения или сочетаться с наречиями меры. Синтаксис же, напротив, поощряет этот процесс, создавая дефицит указательных средств в живом потоке речи. В научной среде ведутся споры о том, считать ли прономинализацию полноценным переходом в другой класс или лишь временной функциональной подменой. Однако, как отмечал Л. Теньер, когда слово начинает выполнять роль «пустого знака», готового наполниться любым содержанием контекста, оно де-факто меняет свою грамматическую природу [6, с. 156]. Адвербиализация представляет собой, пожалуй, самый радикальный пример морфологической транспозиции. Это процесс, в котором формы имен (существительных, прилагательных) или глаголов (деепричастий) окончательно порывают с родной парадигмой. В художественной интерпретации учения, адвербиализованное слово — это «беженец», который сжег мосты: существительное в творительном падеже («утром», «лесом») перестает осознаваться как предмет в определенном состоянии и становится чистым обстоятельством времени или места. Морфологии, здесь происходит «омертвление» флексии. Окончание превращается в суффикс, а само слово становится неизменяемым. Критики указывают, что синтаксический аспект здесь первичен: регулярное использование словоформы в роли обстоятельства настолько изолирует её от системы склонения, что связь с исходным существительным истончается до прозрачности. Это явление часто называют «лексикализацией грамматической формы». Одной из самых дискуссионных тем в теории транспозиции остается механизм, позволяющий слову менять категорию без видимых аффиксов. В лингвистике это описывается через концепцию нулевой морфемы или конверсии. Морфологическая транспозиция с помощью суффиксов — это перестройка фасада. Но конверсия — это когда назначение здания меняется изнутри: жилой дом становится офисом без единого нового кирпича. В работах Е. Куриловича этот процесс трактуется как перенос «синтаксической стоимости». Нулевой знак в данном случае — это не отсутствие информации, а значимое

TANQIDIY NAZAR, TAHLILIY TAFAKKUR VA INNOVATSION G'UYALAR

отсутствие, указывающее на то, что слово теперь подчиняется иным правилам грамматической игры. Научные дискуссии вокруг конверсии часто упираются в вопрос о границах омонимии. Генетическая связь между «бегом» (действием) и «бегом» (наречием) очевидна, и именно эта связь позволяет системе языка оставаться целостной, несмотря на постоянную миграцию элементов.

Транспозиция перестает быть сухим грамматическим фактом и становится инструментом выразительности. Писатели часто используют «незавершенную транспозицию» для создания двусмысленности. Когда поэт субстантивирует прилагательное, он заставляет читателя увидеть предмет там, где раньше был лишь тусклый признак. Это «опредмечивание качеств» позволяет языку художественной литературы достигать невероятной плотности образов. Критический анализ модернистских текстов показывает, что авторы сознательно разрушают синтаксические ожидания, провоцируя окказиональную транспозицию. Слово, вытолкнутое в чуждую ему позицию, начинает «сиять» новыми смыслами, высвечивая те грани реальности, которые скрыты в стандартном употреблении. Транспозиция оказывается не только лингвистическим механизмом, но и мощным когнитивным рычагом.

Список использованной литературы:

1. Балли Ш. Французская стилистика. — М., 1961.
2. Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958.
3. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиотический анализ). — М., 1981.
4. Курилович Е. О методах лингвистики // Вопросы языкознания. — 1964.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1956.
6. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. — М., 1988.